Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2026 Т. 30. № 3. 631–648
RUDN JOURNAL OF LAW. ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online) http://journals.rudn.ru/law

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-631-648
EDN: POMYVI

Научная статья / Research Article

Инспекторат внутренней безопасности как субъект реализации пенитенциарной политики Республики Польша: опыт правовой трансформации

Г.С. Шкабин[1,2] ✉, **А.А. Чистяков**[3,4], **Л.Р. Клебанов**[3]

[1]Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, *г. Москва, Российская Федерация*
[2]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, *г. Москва, Российская Федерация*
[3]Российский университет дружбы народов, *г. Москва, Российская Федерация*
[4]Московский институт электронной техники, *г. Москва, Российская Федерация*
✉sgsryaz@ya.ru

Аннотация. Противодействие правонарушениям в местах лишения свободы требует научно обоснованного баланса между режимными мероприятиями и оперативно-разыскной деятельностью (ОРД). Опыт реформ в Республике Польша (2010–2026 гг.), приведший к созданию и последующей экстренной ликвидации Инспектората внутренней безопасности, выступает примером кризиса ведомственной изоляции оперативных аппаратов в пенитенциарной системе. *Цель исследования* – на основе сравнительно-правового анализа выявить системные дефекты автономной модели оперативных служб в уголовно-исполнительном ведомстве Польши и определить границы допустимого расширения оперативно-разыскных полномочий ФСИН России. Материалами исследования послужили нормативные правовые акты, статистические данные и научные публикации двух стран. В работе использованы формально-догматический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также системный анализ эмпирических данных. Установлено, что наделение польской пенитенциарной службы правами спецслужбы без предоставления статуса органа дознания привело к отклонению материалов в судах. Финансовое поощрение агентов вызвало рост ложных доносов. Обособление Инспектората внутренней безопасности спровоцировало конфликт с полицией, а также смещение приоритетов на фиксацию мелких проступков. Безопасность в исправительных учреждениях должна строиться на интеграции пенитенциарного ведомства в общую правоохранительную систему государства. Российская модель, основанная на

© Шкабин Г.С., Чистяков А.А., Клебанов Л.Р., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

межведомственной координации в едином правовом поле и научной экспертизе реформ, демонстрирует высокую устойчивость к системным кризисам.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, исполнение наказаний, Пенитенциарная служба Польши, ФСИН России, уголовно-исполнительная система, сравнительное правоведение

Вклад авторов: Клебанов Л.Р. – сбор и обработка материалов, написание текста; Чистяков А.А. – концепция и дизайн исследования, написание текста; Шкабин Г.С. – концепция и дизайн исследования, анализ полученных данных, написание текста. Все авторы ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в статью.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 06 апреля 2026 г.
Принята к печати: 15 июля 2026 г.

Для цитирования:

Шкабин Г.С., Чистяков А.А., Клебанов Л.Р. Инспекторат внутренней безопасности как субъект реализации пенитенциарной политики Республики Польша: опыт правовой трансформации // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 3. С. 631–648. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-631-648 EDN: POMYVI

The Internal Security Inspectorate and Penitentiary Policy in Poland: Lessons from Legal Transformation

Gennadiy S. Shkabin[1,2] ✉, Alexey A. Chistyakov[3,4], Lev R. Klebanov[3]

[1]Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, *Moscow, Russian Federation*
[2]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, *Moscow, Russian Federation*
[3]RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
[4]National Research University of Electronic Technology, *Moscow, Russian Federation*
✉sgsryaz@ya.ru

Abstract. Combating offenses in prisons requires a scientifically grounded balance between security measures and operational-investigative activities (OIA). The reforms in the Republic of Poland (2010–2026), which culminated in the creation and subsequent emergency liquidation of the Internal Security Inspectorate, illustrate the crisis that can arise from departmental isolation of operational units within the penitentiary system. *Objective:* using a comparative legal analysis, this study identifies systemic shortcomings of the autonomous model of operational-investigative services in the Polish penitentiary service and determines the limits of the permissible expansion of the operational-investigative powers of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Materials* include regulatory legal acts, statistical data, and scientific literature from both countries. *Methods* combine formal-dogmatic, historical-legal, and comparative legal approaches with systemic analysis of empirical data. *Findings:* it was found that granting the Polish Prison Service secret-service powers without without granting it the status of a body of inquiry resulted in the rejection of its materials by the courts; financial incentives for agents led to an increase in false reports; and the separation of the Internal Security Inspectorate provoked conflict with the police and shifted priorities toward recording minor offenses. *Conclusion*: security in correctional facilities should rely on integration of the penitentiary service into the broader national law-enforcement system. The Russian model, based on interagency coordination within a unified legal

framework and informed by scientific review of reforms, demonstrates a high degree of resilience to systemic crises.

Keywords: operational-search activity, execution of punishments, Polish Prison Service, Federal Penitentiary Service of Russia, penal system, comparative law

Authors' Contribution: L.R. Klebanov – collection and processing of materials; drafting of the text; A.A. Chistyakov – conceptualization and project design; drafting of the text; G.S. Shkabin – conceptualization and project design; analysis of the data obtained, drafting of the text. All authors reviewed and approved the final manuscript.

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the article.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

Received: April 6, 2026
Accepted: July 15, 2026

For citation:

Shkabin, G.S., Chistyakov, A.A., Klebanov, L.R. (2026) The Internal Security Inspectorate and Penitentiary Policy in Poland: Lessons from Legal Transformation. *RUDN Journal of Law.* 30 (3), 631–648. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-631-648 EDN: POMYVI

Введение

Противодействие преступности в сфере исполнения уголовных наказаний в большинстве государств традиционно находится в состоянии проблемных организационных конфликтов. С одной стороны, органы, исполняющие назначенное судом наказание (в частности – администрация учреждений, обеспечивающих исполнение наказания в виде лишения свободы), обязаны обеспечивать изоляцию и последующую ресоциализацию лиц, отбывающих либо отбывших наказание. С другой – должны обладать действенным инструментарием для выявления и противодействия преступным процессам, которые препятствуют исполнению наказания, ставят под угрозу жизнь, здоровье и должное функционирование учреждений: от незаконной передачи запрещенных предметов (наркотиков, предметов, используемых в качестве оружия) и до коррупции собственного персонала.

В Республике Польша этот конфликт в последнее десятилетие получил отражение в законодательной практике. Польский опыт уникален тем, что законодатель в предельно сжатые сроки (2010–2026 гг.) прошел путь от полного отрицания оперативно-разыскных полномочий ведомства по исполнению наказания до создания мощной внутриведомственной спецслужбы, а затем к признанию этой модели ошибочной.

Традиционно Пенитенциарная служба Польши (Służbie Więziennej (SW)) воспринималась исключительно как орган исполнения наказаний, лишенный права на самостоятельную оперативно-разыскную работу. Функции выявления преступлений внутри учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, целиком возлагались на полицию. Однако рост организованной преступности в местах лишения свободы и появление новых угроз потребовали пересмотра такого подхода. Как справедливо отмечает М. Левандовски, современная служба исполнения уголовных наказаний уже не может ограничиваться пассивной охраной; она трансформируется в один из ключевых институтов внутренней безопасности государства, что неизбежно требует расширения её компетенций (Lewandowski, 2019). Теоретическое обоснование и первые попытки системного внедрения элементов данной концепции в польскую уголовно-исполнительную практику были обобщены в ведомственных научных

исследованиях периода начала реформы, где авторы рассматривали баланс между пассивной, процедурной и динамической безопасностью (Lewandowski & Strzelec, 2022).

Переломным моментом стала реформа 2022 года, закрепившая создание Инспектората внутренней безопасности Пенитенциарной службы (Inspektorat Wewnętrzny Służby Więziennej – IWSW). Этот орган получил беспрецедентные для этой системы полномочия, включая право на проведение оперативного контроля (прослушивание переговоров, контроль корреспонденции) и использование специальных технических средств (Bojanowski, 2023). Фактически была предпринята попытка создать «полицию внутри тюрьмы».

Однако с течением времени данная модель продемонстрировала свою несостоятельность. Уже в 2024 году Совет Министров Польши инициировал процедуру ликвидации IWSW. В обосновании законопроекта прямо указывается на дублирование функций с другими спецслужбами и правоохранительными органами, а также на низкую эффективность новой структуры при непропорционально высоких бюджетных затратах[1]. Сложилась парадоксальная ситуация: нормативная база для осуществления тайных операций была максимально расширена, но практическая реализация этих норм привела к управленческому коллапсу.

Для понимания глубинных причин кризиса, постигшего польскую уголовно-исполнительную систему в 2024 году, необходимо обратиться к истокам формирования политики государства в области осуществления оперативно-разыскной деятельности в системе исполнения наказаний. Долгое время в польском праве господствовал подход, согласно которому Пенитенциарная служба является исключительно органом исполнения наказаний, чья функция сводится к изоляции осужденного и обеспечению его быта. Полномочия по выявлению и пресечению преступлений традиционно делегировались полиции. Эта модель была унаследована со времен эпохи действия Варшавского договора. Она базировалась на неоднозначной идее о том, что место содержания осужденных – это статичная среда, где преступная деятельность прекращается самим фактом изоляции.

Однако реальность оказалась иной. Как справедливо указывают в своих исследованиях М. Котовска и Б. Зайонц, пенитенциарные учреждения превратились в хабы для продолжения криминальной деятельности: от дистанционного мошенничества до управления наркотрафиком (Kotowska & Zając, 2023). В этих условиях режимные средства (обыски, досмотры, видеонаблюдение) оказались нерезультативными. Подобные методы, как правило, направлены на работу по факту, фиксируя уже совершенное нарушение, тогда как оперативно-разыскная деятельность (далее – ОРД) при исполнении наказания имеет основной целью предупреждение противоправных деяний. В польской доктрине в этот период активно доказывалась необходимость смещения фокуса со статических мер надзора на криминалистическое и психологическое распознавание атмосферы, настроений и латентных намерений внутри криминальных субкультур, что определялось как приоритет профилактической работы (Nowacki, 2022).

Подобная дихотомия не является уникальной польской проблемой, а носит трансграничный характер. В российской правовой науке на это справедливо указывает В.Ю. Жандров, отмечая наличие исторически обусловленного конфликта

[1] Projekt ustawy o zmianie ustawy o Służbie Więziennej oraz niektórych innych ustaw (uzasadnienie) [Электронный ресурс] // Ministerstwo Sprawiedliwości. 2025. 29 stycznia. URL: https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/projekt-likwidacji-inspektoratu-wewnetrznego-sluzby-wiezien nej-zatwierdzony-przez-rade-ministrow (дата обращения: 21.01.2026).

между задачами обеспечения режима содержания и целями оперативно-разыскной деятельности (Zhandrov, 2025). Как и в польской практике до 2022 года, попытка возложить на один субъект (администрацию учреждения) взаимоисключающие функции – гласный надзор, требующий прозрачности, и негласную сыскную деятельность, требующую конспирации, неизбежно порождает внутренние конфликты и противоречия. Польский опыт лишь подтверждает тезис В.Ю. Жандрова о том, что без четкого нормативного разграничения этих сфер (а не простого их смешения в рамках одного ведомства) система безопасности теряет управляемость.

Именно этот диссонанс между ответственностью за безопасность и отсутствием инструментов для её обеспечения вынудил польского законодателя начать разработки проектов нормативных актов, направленных на милитаризацию функций SW. Мы полагаем, что такой процесс правильно было бы назвать не эволюционным, а революционным. Государство пыталось «латать дыры» в сфере безопасности исправительных учреждений, наделяя их сотрудников полномочиями, свойственными спецслужбам.

Цель исследования – на основе сравнительно-правового анализа выявить системные проблемы модели обособления оперативных аппаратов в пенитенциарной системе Республики Польша и определить границы допустимого оперативно-разыскных полномочий в органах и учреждениях, исполняющих наказание в Российской Федерации.

Методы исследования. Использованы формально-догматический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также анализ эмпирических данных и нормативных актов.

Генезис нормативно-правового регулирования оперативно-разыскной деятельности в Пенитенциарной службе Польши (2010–2020 гг.)

Фундаментальным этапом, заложившим нормативную базу для последующих трансформаций, стало принятие Закона от 9 апреля 2010 г. «О Пенитенциарной службе»[2]. Этот акт впервые на законодательном уровне закрепил за ведомством право на осуществление оперативно-разыскной деятельности (czynności operacyjno-rozpoznawcze).

Однако анализ текста закона в редакции до 2022 г. позволяет нам охарактеризовать этот этап как «период оперативной неполноценности». Законодатель, сказав «А», побоялся сказать «Б». В частности, статья 2 Закона определила, что SW осуществляет ОРД лишь в строго ограниченном объеме. Компетенция службы была сужена до выявления преступлений, совершаемых лицами, лишенными свободы, либо сотрудниками самой службы (так называемая «собственная безопасность»).

Подобная половинчатость в определении задач ОРД характерна и для этапов становления российского законодательства. А.В. Агарков отмечает, что нормативно-правовая регламентация задач ОРД в сфере исполнения уголовных наказаний часто отстает от современной практики, создавая правовые коллизии (Agarkov, 2015). Ситуация «усеченной компетенции», в которой оказалась польская Пенитенциарная служба, коррелирует с проблемами правового статуса оперативных подразделений ФСИН России, выявленными Л.Е. Щетневым. В своем исследовании он акцентирует

[2] Ustawa z dnia 9 kwietnia 2010 r. o Służbie Więziennej [Электронный ресурс] // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 2010. № 79. Poz. 523. URL: https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20100790523 (дата обращения: 12.02.2026).

внимание на том, что неопределенность норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» создает правовые коллизии, затрудняющие борьбу с преступностью (Schetnev, 2025). Однако если польский правотворец попытался решить эту проблему радикально, через создание «супер-службы» IWSW, то российский подход стремится к гармонизации существующих норм, а не к созданию новых сущностей.

Тем не менее в 2022 г. в Польше был проигнорирован этот взвешенный эволюционный путь, и был выбран сценарий радикальных преобразований. Характеризуя обстановку, предшествующую правовой реформе системы исполнения наказания, польский исследователь Т. Бояновски в статье «Оперативно-разыскные действия Пенитенциарной службы» обращает внимание на коллизию того периода: служба получила право вербовать агентуру (получать информацию негласным путем), но была лишена ключевого элемента современного сыска – права на самостоятельное проведение оперативно-разыскных мероприятий (прослушивание телефонных переговоров, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений и др.) (Bojanowski, 2023).

Сложилась парадоксальная правовая конструкция. Сотрудник безопасности исправительного учреждения, получив от агента информацию о готовящемся побеге или доставке крупной партии наркотиков, не мог самостоятельно инициировать технический контроль подозреваемого. Он был обязан передать материалы в Полицию или Центральное антикоррупционное бюро. А те, в свою очередь, действуя в рамках своих приоритетов, часто игнорировали сигналы из исправительных учреждений, считая их малозначительными.

М. Левандовски характеризует этот период как время поиска новой идентичности Пенитенциарной службы. Он подчеркивает, что рассматриваемая структура «перестала быть просто охраной, она стала институтом государственной безопасности, но с инструментарием сторожа» (Lewandowski, 2019). Это противоречие создавало почву для профессиональной ограниченности сотрудников, влияло на их психическое состояние и, как следствие, снижало эффективность борьбы с организованными преступными группами, действующими внутри мест изоляции от общества.

Рассматривая тактику осуществления ОРД в указанный период, необходимо четко разграничивать понятия «оперативно-разыскная деятельность» и «режимный контроль». До создания IWSW (Инспектората внутренней безопасности) арсенал оперативника был ограничен следующими методами:

- Разведывательный опрос (Wywiad operacyjny). Представлял собой сбор информации и, как правило, осуществлялся без раскрытия истинной цели беседы.
- Наблюдение (Obserwacja). В отличие от процессуального наблюдения, оперативное наблюдение не требовало судебной санкции, если проводилось в общедоступных местах (внутри колонии – везде, кроме туалетов и душевых).
- Работа с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие (Osobowe źródła informacji). Это наиболее скрытая и деликатная сфера. Закон 2010 г. легализовал институт конфиденциального содействия, однако, в отличие от Закона о полиции, не предоставил четких гарантий безопасности для информаторов-осужденных. Такое положение фактически сформировало этико-правовую проблему. Она состояла в том, что сотрудники учреждений склоняли осужденных к негласному сотрудничеству, но при этом они не могли обеспечить их безопасность ввиду отсутствия необходимого правового механизма.

Отдельно следует остановиться на проблеме взаимодействия с другими службами. Статья 14 Закона о Центральном антикоррупционном бюро (CBA)[3] предоставляет агентам CBA достаточно широкие права, включая возможность задержания и прослушивания. Пенитенциарная служба Польши не имела таких полномочий и поэтому была вынуждена фактически выступать в роли «младшего брата», являющегося источником начальной информации. Подобный механизм, при котором происходило делегирование полномочий в сфере оперативно-разыскной деятельности, демонстрировал свою непродуктивность. Получалось, что пока информация проходила бюрократические этапы между ведомствами, она переставала быть актуальной. Кроме того, нередкими были случаи утечки информации, которые, как правило, происходили именно на стыке ведомств. В итоге внешняя реализация материалов ОРД становилась невозможной. Именно осознание этого факта привело к идее создания «собственной полиции» внутри исправительных учреждений (IWSW)[4].

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что сдержанность польского законодателя в вопросе расширения полномочий SW в 2010–2020 гг. была обусловлена не только отношением к сфере исполнения наказания, но и жесткой позицией европейских правозащитных структур. В отчетах Европейского комитета по предупреждению пыток (CPT) и Хельсинкского фонда по правам человека неоднократно подчеркивался тезис о недопустимости превращения исправительного учреждения в «полицейский участок строгого режима» (Kładoczny & Wolny, 2013). Эксперты указывали на риск злоупотреблений. Это объяснялось тем, что в закрытом учреждении, где власть администрации над человеком тотальна, наделение этой же администрации правом на негласный сбор информации (без надлежащего судебного контроля) создает предпосылки для произвола.

Сходные позиции высказывались в научных публикациях еще в начале дискуссии о реформировании оперативно-разыскной деятельности в пенитенциарной системе. В частности, А. Цемпура, констатируя допустимость проведения негласных мероприятий в местах изоляции ввиду отсутствия прямого территориального запрета в законодательстве, одновременно отмечал необходимость введения жестких нормативных ограничений ОРД в уголовно-исполнительной сфере (Cempura, 2011). Автор подчеркивала, что осуществление тайных операций в условиях дефицита внешнего надзора и широкого ведомственного усмотрения неизбежно повлечет угрозу ограничения конституционных прав граждан, ошибки в доказывании и возникновение конфликтов между сотрудниками (Cempura, 2011).

Примером такого конфликта служит практика перлюстрации корреспонденции. Формально, согласно Уголовно-исполнительному кодексу (Kodeks karny wykonawczy)[5], цензура переписки является мерой режима. Однако когда она используется не для поиска запрещенных предметов, а для сбора сведений о связях осужденного, она трансформируется в оперативно-разыскное мероприятие. Граница здесь достаточно тонкая. Польские суды неоднократно вставали на сторону

[3] Ustawa z dnia 9 czerwca 2006 r. o Centralnym Biurze Antykorupcyjnym [Электронный ресурс] // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 2025. Poz. 712. URL: https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20250000712 (дата обращения: 12.02.2026).

[4] Hac, P. Utworzenie Inspektoratu Wewnętrznego Służby Więziennej – próba oceny]. Instytut Bezpieczeństwa i Rozwoju Międzynarodowego. 2022. URL: https://instytutbirm.pl/w-cieniu-ostatnich-wydarzen/ (дата обращения: 12.02.2026).

[5] Kodeks karny wykonawczy : ustawa z 6.06.1997 r. // Dziennik Ustaw. 1997. № 90. poz. 557. URL: https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19970900557/U/D19970557Lj.pdf (дата обращения: 11.01.2026).

осужденных, признавая немотивированную цензуру нарушением ст. 8 Европейской конвенции, однако оперативная практика шла своим путем, используя режимные нормы как прикрытие для оперативно-разыскной деятельности (Kładoczny & Wolny, 2013).

Таким образом, к началу 2020-х гг. в системе исполнения уголовных наказаний Польши сложилась критическая ситуация. Нормативная модель ОРД, заложенная в 2010 г., исчерпала свой ресурс. Пенитенциарная служба обладала статусом субъекта безопасности (Lewandowski, 2019), но не имела достаточных прав на применение технических средств для тайного получения информации (Bojanowski, 2023).

Этот дисбаланс был положен в основу запроса на радикальные решения. Аргументация «реформаторов» строилась на тезисе: «Чтобы бороться с мафией, мы должны стать как мафия – быстрыми, закрытыми и технически оснащенными»[6]. Именно эта логика легла в основу проекта Закона 2022 г. о модернизации, который привел к созданию IWSW. Следовательно, создание этого подразделения в системе исполнения наказания было не случайным стечением обстоятельств, а закономерным итогом десятилетия отсутствия надлежащего правового регулирования рассматриваемой сферы. Однако предпринятые действия были попыткой движения в противоположную сторону – от недостатка полномочий к их избыточности. Что, в итоге, как показывает анализ событий 2024–2025 гг., оказалось серьезной ошибкой законодателя.

Правовая природа полномочий и кризис Инспектората внутренней безопасности (IWSW)

Период «оперативной неполноценности» польской системы исполнения уголовных наказаний, описанный нами выше, завершился резким сломом существующего правового регулирования. Принятие Закона от 22 июля 2022 г. «О внесении изменений в Закон о Пенитенциарной службе»[7] стало чрезвычайным шагом новой уголовной политики. Законодатель, руководствуясь логикой о том, что исправительные учреждения являются «осажденными крепостями», пошел по пути создания внутри ведомства автономной, жестко централизованной структуры Инспектората внутренней безопасности Пенитенциарной службы (Inspektorat Wewnętrzny Służby Więziennej – IWSW). В польской юридической науке этот шаг изначально расценивался как реализация криминалистической стратегии, направленной на системное подавление преступности непосредственно внутри пенитенциарного системы (Rosiak, 2023).

Принципиальная новизна конструкции заключалась в разрыве иерархических связей. Если ранее оперативные сотрудники подчинялись руководителям конкретных исправительных учреждений (что делало невозможной разработку коррумпированного начальства), то IWSW был выстроен как вертикаль, подчиняющаяся лично Генеральному Директору Пенитенциарной службы и, в ключевых вопросах, выходящая на Министра юстиции. Т. Бояновски в своем анализе справедливо называет это «выходом за пределы логики исполнения наказаний» (Bojanowski, 2023). IWSW

[6] Hac, P. Utworzenie Inspektoratu Wewnętrznego Służby Więziennej – próba oceny]. Instytut Bezpieczeństwa i Rozwoju Międzynarodowego. 2022. URL: https://instytutbirm.pl/w-cieniu-ostatnich-wydarzen/ (дата обращения: 12.02.2026).

[7] Ustawa z dnia 22 lipca 2022 r. o zmianie ustawy o Służbie Więziennej oraz niektórych innych ustaw [Электронный ресурс] // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 2022. Poz. 1933. URL: https://eli.gov.pl/eli/DU/2022/1933/ogl (дата обращения: 11.01.2026).

получил статус, де-факто равный статусу полиции или Агентства внутренней безопасности, что создало уникальный для европейской практики прецедент: ведомство исполнения наказаний перестало быть «клиентом» полиции и стало ее конкурентом.

Центральным элементом реформы стало наделение IWSW правом на осуществление оперативного контроля. Для польского права, где тайна переписки охраняется ст. 49 Конституции с особой щепетильностью, это были существенные изменения. Анализ новой редакции ст. 23 Закона о Пенитенциарной службе и корреспондирующего Распоряжения Министра юстиции[8] показывает, что законодатель скопировал полномочия из ст. 19 Закона о Полиции[9], не сделав скидку на специфику закрытого учреждения. Арсенал IWSW включил в себя:

- технический контроль коммуникаций, состоящий в прослушивании телефонных переговоров и перехвате данных в телекоммуникационных сетях;
- перлюстрацию корреспонденции. Это тайный контроль почтовых отправлений (отличный от цензуры, так как осужденный о нем не уведомляется);
- специальный мониторинг, включающий в себя скрытую аудио- и видеофиксацию в помещениях.

Особую тревогу правозащитников, в том числе Хельсинкского фонда по правам человека[10], вызвала процедура санкционирования так называемых «неотложных случаев» (tryb niecierpiący zwłoki). Руководитель IWSW был наделен полномочиями с согласия Прокурора начинать прослушивание еще до получения санкции суда. Это стало возможным при условии, что промедление может повлечь утрату доказательств. О таких действиях в последующем необходимо было уведомить суд в течение 5 дней. В условиях изоляции и скопления лиц, совершивших преступления, такие условия существовали почти всегда. Поэтому эта норма наделяла соответствующих субъектов чрезвычайными полномочиями. Получалось, что судебный контроль имел лишь второстепенное значение и только постфактум фиксировал уже свершившееся ограничение прав. Если провести анализ образцов процессуальных документов, утвержденных Постановлением Министра юстиции от 7 марта 2024 г., вносящим изменения в постановление об оперативной проверке, проводимой IWSW (например, «Внесудебное согласие Генерального Прокурора»), то можно сделать вывод, что такой механизм становился фактически повседневным инструментом работы[11].

---

[8] Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 7 marca 2024 r. Zmieniające rozporządzenie w sprawie kontroli operacyjnej prowadzonej przez Inspektorat Wewnętrzny Służby Więziennej [Электронный ресурс] // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 2024. Poz. 406. URL: https://eli.gov.pl/eli/DU/2024/406/ogl (дата обращения: 21.01.2026).

[9] Ustawa z dnia 6 kwietnia 1990 r. o Policji [Электронный ресурс] // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 2025. Poz. 636. URL: https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20250000636 (дата обращения: 11.01.2026).

[10] Kulas R. Human rights in places of detention. How Poland is implementing into practice the recommendations of the international bodies for the prevention of torture (CPT and SPT): Thematic report of the National Mechanism for the Prevention of Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. 2021. Warsaw, Office of the Commissioner of Human Rights. URL: https://bip.brpo.gov.pl/en/content/human-rights-places-detention-how-poland-implementing-practice-recommendations (дата обращения: 21.01.2026).

[11] Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 7 marca 2024 r. Zmieniające rozporządzenie w sprawie kontroli operacyjnej prowadzonej przez Inspektorat Wewnętrzny Służby Więziennej [Электронный ресурс] // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 2024. Poz. 406. URL: https://eli.gov.pl/eli/DU/2024/406/ogl (дата обращения: 21.01.2026).

Также представляет интерес для исследования финансовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности в учреждениях, исполняющих наказание. В результате реформы 2022 года был создан Оперативный фонд (Fundusz Operacyjny) IWSW. Это позволило перевести работу с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие, на коммерческую основу.

Если ранее вербовка осужденных строилась преимущественно на компромате или обещании режимных послаблений, то IWSW получил право выплачивать агентам денежное вознаграждение за ценную информацию. В теории это должно было повысить качество агентурной работы. На практике же, как следует из материалов, сопровождавших законопроект о ликвидации службы[12], это привело к росту ложных доносов. Осужденные, быстро поняв правила игры, начали фабриковать информацию о готовящихся бунтах или каналах наркотрафика, чтобы получить денежные выплаты. Отсутствие действенного внешнего контроля расходования средств Оперативного фонда (в силу его секретности) лишь усугубило коррупционные риски внутри самой службы.

В отличие от польского опыта коммерциализации тайного сотрудничества, приведшего к дестабилизации контроля, в российском научном дискурсе акцент смещен на использование нематериальных, но юридически значимых стимулов. Как отмечается на межведомственном уровне, ключевым мотивом для осужденных-конфидентов остается перспектива условно-досрочного освобождения. При этом особенность их правового положения требует соразмерных мер поощрения, главным критерием для которых выступает жесткая конспирация, исключающая риски компрометации лиц, оказывающих негласное содействие (Rumyantsev & Shkabin, 2025).

Игнорирование принципов конспирации и отдание предпочтения финансовым рычагам закономерно вернуло польский эксперимент к внутренним противоречиям. Специфика закрытых пенитенциарных учреждений такова, что создание автономных контролирующих структур без адекватных внешних сдержек часто провоцирует новые девиации, включая феномен «малых шагов» во взаимодействии оперативников с лидерами преступной среды и деформацию служебной этики (Mielnik, 2022).

Описанные внутриведомственные проблемы не носили частный характер, они явились следствием более масштабной доктринальной ошибки реформы – её первоначальной организационной замкнутости. Самой глубокой ошибкой реформы оперативно-разыскной деятельности в исправительных учреждениях стала ставка на изоляционизм. Создатели IWSW исходили из презумпции недоверия к внешней полиции. Аргумент звучал так: «Полиция не понимает субкультуры, а CBA (Антикоррупционное бюро) слишком неповоротливо»[13]. Однако вместо конструктивного взаимодействия возник эффект ведомственной изоляции.

IWSW начал дублировать функции Центрального следственного бюро полиции (CBŚP). Возникали коллизии, когда две службы одновременно разрабатывали одну и ту же преступную группу (одна – с воли, другая – изнутри), не зная о действиях друг друга. Это приводило к «расшифровке» мероприятий. В документе,

[12] Projekt ustawy o zmianie ustawy o Służbie Więziennej oraz niektórych innych ustaw (uzasadnienie) [Электронный ресурс] // Ministerstwo Sprawiedliwości. 2025. 29 stycznia. URL: https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/projekt-likwidacji-inspektoratu-wewnetrznego-sluzby-wiezniennej-zatwierdzony-przez-rade-ministrow (дата обращения: 21.01.2026).

[13] Hac, P. Utworzenie Inspektoratu Wewnętrznego Służby Więziennej – próba oceny]. Instytut Bezpieczeństwa i Rozwoju Międzynarodowego. 2022. URL: https://instytutbirm.pl/w-cieniu-ostatnich-wydarzen/ (дата обращения: 12.02.2026).

обосновывающем ликвидацию IWSW, правительство прямо указало: «Создание отдельной спецслужбы привело к размыванию ответственности и конкуренции за показатели, а не к реальной борьбе с преступностью»[14].

Таким образом, IWSW в период 2022–2023 гг. представляла собой пример службы, наделенной избыточными полномочиями. Законодатель дал Пенитенциарному ведомству «меч» (оперативный контроль) и «щит» (секретность), но не обеспечил это все надлежащей системой сдержек и контроля. Вместо того чтобы точечно выявлять подготавливаемые преступления и лиц, их подготавливающих, сотрудники IWSW систематически злоупотребляли своими полномочиями, использование которых в тесном пространстве мест изоляции от общества наносило вред всей правоохранительной системе. Этот короткий, но яркий период «всемогущества» оперативников Пенитенциарной службы стал поводом для прекращения функционирования новой структуры.

Фундаментальная причина краха Инспектората внутренней безопасности (IWSW) кроется не в политической плоскости, а в грубейшей ошибке правотворчества. Создавая службу в 2022 г., реформаторы заявляли, что она станет «железным кулаком» против мафии, управляющей преступностью из-за решетки. Однако анализ деятельности IWSW за 2023–2024 гг., представленный в обосновании к закону о его ликвидации, продемонстрировал совершенно иную картину[15].

Вместо разработки транснациональных наркокартелей или коррупционных схем высокого уровня (уровень директоров округов) мощнейший инструментарий ОРД (прослушка, наружное наблюдение, работа агентуры) был направлен на выявление мелкой дисциплинарной преступности. Оперативный контроль (kontrola operacyjna) применялся для фиксации фактов проноса алкоголя, сим-карт или незначительных доз наркотиков. Подобная практика понижения уровня выполняемых задач коррелирует с выводами исследований специфики коррупции в польской пенитенциарной среде. В них обращается внимание на необходимость смещения акцента с тотальных негласных проверок на превентивно-организационные меры (Rosiak, 2024).

Изменения в организации службы повлекли осложнение социально-психологической обстановки в ведомстве. Как показывают эмпирические исследования, для сотрудников польской уголовно-исполнительной системы этого периода характерен критически низкий уровень восприятия собственного профессионального престижа и лишь умеренное чувство безопасности при сохранении высокой организационной вовлеченности (Sarzała, Piestrzyński & Piestrzyński, 2025).

Сложившаяся на 2024 г. ситуация может быть охарактеризована как «бюрократическое замещение». Оно состояло в том, что служба, не способная справиться со сложными задачами (разработка руководителей регионального уровня), начинает имитировать бурную деятельность, массово «штампуя» показатели на рядовых нарушениях. Как справедливо отмечается, «IWSW превратился в дорогую игрушку,

[14] Projekt ustawy o zmianie ustawy o Służbie Więziennej oraz niektórych innych ustaw (uzasadnienie) [Электронный ресурс] // Ministerstwo Sprawiedliwości. 2025. 29 stycznia. URL: https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/projekt-likwidacji-inspektoratu-wewnetrznego-sluzby-wiezziennej-zatwierdzony-przez-rade-ministrow (дата обращения: 21.01.2026).

[15] Projekt ustawy o zmianie ustawy o Służbie Więziennej oraz niektórych innych ustaw (uzasadnienie) [Электронный ресурс] // Ministerstwo Sprawiedliwości. 2025. 29 stycznia. URL: https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/projekt-likwidacji-inspektoratu-wewnetrznego-sluzby-wiezziennej-zatwierdzony-przez-rade-ministrow (дата обращения: 21.01.2026).

которая используется для внутренней травли неугодных сотрудников, а не для борьбы с мафией»[16].

На тот момент польское законодательство не предусматривало единого координационного центра по осуществлению оперативно-разыскной деятельности в системе исполнения наказания. Это, в свою очередь, повлияло на возникновение противоречий внутри правоохранительной системы, которые были положены в основу формирования причин ликвидации. Основные из них можно дифференцировать на две группы, которые условно обозначим как технологический и оперативный конфликты с Полицией и спецслужбами.

Оперативный аспект состоял в том, что появились негативные прецеденты. Примером могут служить ситуации, когда агент, завербованный Полицией для разработки крупной банды, попадал в разработку IWSW за мелкое нарушение режима. Оперативные сотрудники исправительных учреждений, не зная о его статусе, проводили собственную оперативную разработку по привлечению его к ответственности, чем, естественно, срывали длительную операцию полиции.

Технический конфликт был обусловлен условиями ограниченного пространства пенитенциарного учреждения (камеры, переговорные комнаты), одновременная установка специальных технических средств разными службами приводила к техническим накладкам. Более того, IWSW, стремясь к автономии, закупил собственные программно-аппаратные комплексы для перехвата (биллинга), несовместимые с полицейскими базами данных. Это создало информационный вакуум, состоящий в том, что данные, полученные оперативниками системы исполнения уголовных наказаний, часто не могли быть проверены через полицейские картотеки[17].

Именно эти обстоятельства, судя по всему, были положены в основу обоснования проекта закона о ликвидации. Они указывали на то, что модель автономной спецслужбы привела к изоляции пенитенциарного ведомства от системы государственной безопасности, а не к её интеграции.

Еще один аспект, который повлиял на решение об упразднение службы, это качество материалов, полученных в результате осуществления ОРД. Офицеры IWSW, набранные преимущественно из бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы, обладали специфическим опытом «режимной работы», но не имели навыков документирования преступлений, что затрудняло или вовсе исключало использование получаемой информации в уголовном процессе в качестве доказательств.

В отличие от сотрудников полиции, понимающих требования прокуратуры и суда, оперативники Пенитенциарной службы часто допускали грубые ошибки при оформлении результатов оперативно-разыскной деятельности (нарушение порядка оформления изъятия и сохранности вещественных доказательств, ошибки в протоколах расшифровки аудиозаписи разговоров). Это приводило к тому, что уголовные дела, инициированные IWSW, не выдерживали критики в суде на стадии предварительного слушания и прекращались на этом этапе.

Сложившееся положение процессуальной беспомощности пенитенциарной спецслужбы находит свое теоретическое объяснение в трудах С.И. Гирько.

[16] Piojda K. Inspektorat Wewnętrzny Służby Więziennej do likwidacji. „Nie spełnił oczekiwań” [Электронный ресурс] // Strefa Obrony. 2025. 30 stycznia. URL: https://strefaobrony.pl/inspektorat-wewnetrzny-sluzby-wieziennej-do-likwidacji-nie-spelnil-oczekiwan/ar/c1p2-27219067 (дата обращения: 15.01.2026).

[17] Piojda K. Inspektorat Wewnętrzny Służby Więziennej do likwidacji. „Nie spełnił oczekiwań” [Электронный ресурс] // Strefa Obrony. 2025. 30 stycznia. URL: https://strefaobrony.pl/inspektorat-wewnetrzny-sluzby-wieziennej-do-likwidacji-nie-spelnil-oczekiwan/ar/c1p2-27219067 (дата обращения: 15.01.2026).

Анализируя отечественную практику, он ввел понятие «синхронизма» правовой регламентации, указывая на дисбаланс, состоящий в наличие у пенитенциарной системы оперативно-разыскных полномочий при явной усеченности ее уголовно-процессуальных функций (Girko, 2018). Польский опыт 2022–2024 гг. стал, по сути, экспериментом, подтвердившим опасения автора, которые состоят в том, что даже если наделить уголовно-исполнительное ведомство мощнейшим оперативным инструментарием (как это было с IWSW), но не синхронизировать его с полноценным статусом органа дознания/следствия, система будет неполноценной, а ее работа не принесет желаемого результата.

К сожалению, данный теоретический прогноз полностью оправдался на практике. Эмпирическим подтверждением «процессуальной несостоятельности» новой службы служат объективные показатели ее деятельности. Статистика, приводимая в средствах массовой информации, выглядит критично. Коэффициент полезного действия IWSW оказался кратно ниже, чем у аналогичных подразделений полиции. Эффективность работы была признана незначительной. Так, в 2023 г. сотрудники IWSW участвовали в задержании всего 9 человек. С начала существования инспекции было заведено всего 37 оперативных дел. При этом затраты на её содержание были несоразмерно высокими (около 13,86 млн злотых в 2024 г.). Правительство фактически признало, что создание внутри системы исполнения наказания отдельной «спецслужбы» с огромными оперативными полномочиями (которой, по словам руководителей министерства, «не имеет ни одна спецслужба») не оправдало ожиданий[18].

Кроме того, создание IWSW породило глубокий социальный конфликт внутри самой службы. Сотрудники Инспектората получали существенно более высокие оклады и надбавки, чем офицеры отделов охраны и режима, выполняющие не менее важную работу. Это привело к саботажу со стороны коллег из смежных подразделений. Коллеги перестали делиться информацией с «элитой». Без опоры на низовое звено (охранников, воспитателей) оперативники перестали владеть значимой информацией.

Правовой механизм упразднения IWSW и компаративистский анализ

Приведенные обстоятельства повлияли на инициирование процесса упразднения IWSW, запущенного в 2024 г. Он представляет собой сложную юридическую операцию. Реформа предусматривает не просто роспуск Инспектората, а перераспределение полномочий и ответственности[19]. Соответствующие изменения были реализованы в Законе от 9 мая 2025 г. «О внесении изменений в Закон о пенитенциарной

[18] Projekt ustawy o zmianie ustawy o Służbie Więziennej oraz niektórych innych ustaw (uzasadnienie) [Электронный ресурс] // Ministerstwo Sprawiedliwości. 2025. 29 stycznia. URL: https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/projekt-likwidacji-inspektoratu-wewnetrznego-sluzby-wiezziennej-zatwierdzony-przez-rade-ministrow (дата обращения: 21.01.2026); Sejm uchwalił likwidację Inspektoratu Wewnętrznego Służby Więziennej [Электронный ресурс] // Ministerstwo Sprawiedliwości. 2025. 9 maja. URL: https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/sejm-uchwalil-likwidacje-inspektoratu-wewnetrznego-sluzby-wiezziennej (дата обращения: 21.01.2026).

[19] Projekt ustawy o zmianie ustawy o Służbie Więziennej oraz niektórych innych ustaw (uzasadnienie) [Электронный ресурс] // Ministerstwo Sprawiedliwości. 2025. 29 stycznia. URL: https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/projekt-likwidacji-inspektoratu-wewnetrznego-sluzby-wiezziennej-zatwierdzony-przez-rade-ministrow (дата обращения: 21.01.2026).

службе и некоторые другие законодательные акты»[20]. Фактически оперативно-разыскная деятельность в сфере исполнения наказаний была возвращена к модели передачи полномочий по борьбе с преступностью внешним органам, прежде всего полиции.

Пенитенциарная служба была лишена права на самостоятельное ведение «острых» ОРМ. Теперь при выявлении признаков преступления начальник учреждения обязан немедленно информировать полицию. Одним из самых острых вопросов стала передача дел оперативного учета. Законодатель столкнулся с дилеммой: передать их в полицию, что создавало риск расшифровки агентов, не дававших на это согласия, или уничтожить. Последний вариант повлек бы потерю ценной информации. Было выбрано компромиссное решение. Оно состояло в том, что архивирование секретных материалов осуществлялось под контролем Уполномоченного по защите секретной информации с возможностью доступа прокуроров по запросу.

История становления и прекращения существования IWSW стала показателем того, что попытка польской системы исполнения наказания стать спецслужбой была обречена на провал. Попытка решить проблему коррупции и преступности путем создания «супероргана» без учета истории существования пенитенциарной системы, изменения общей культуры службы и без налаживания межведомственного взаимодействия с полицией привела лишь к бюрократическому раздуванию и конфликтам со смежными структурами.

Мы полагаем, что причины кризиса лежат не в плоскости исполнительской дисциплины, а в недостатках планирования реформы и её ненадлежащего правового обеспечения. Попытка наделить уголовно-исполнительное ведомство функциями спецслужбы без создания адекватной системы внешнего контроля неизбежно породило риски злоупотреблений и коррупции, что подтверждается данными эмпирических исследований (Kotowska, & Zając, 2023). Анализ польского «отката реформы» имеет фундаментальное значение для российской уголовно-правовой науки. Он позволяет оценить границы допустимого расширения оперативных полномочий отечественной службы исполнения наказания.

Подводя итог исследованию трансформации оперативно-разыскной деятельности в пенитенциарной системе Польши (2010–2025 гг.), необходимо отметить, что попытка радикального пересмотра системы безопасности в исправительных учреждениях через создание автономной «спецслужбы» (IWSW) завершилась провалом. Польский законодатель, проигнорировав принцип системности, создал громоздкую структуру, которая за два года прошла путь от «безграничных полномочий» до полной ликвидации.

В этом контексте опыт Российской Федерации представляет интерес как пример консервативного развития уголовно-исполнительной политики. В отличие от польской практики радикальных структурных преобразований (2010–2025 гг.), российская система сохраняет преемственность, избегая резких изменений правового статуса оперативных подразделений. Российская модель, базирующаяся на Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», избежала соблазна создания «внутренней полиции». Она ориентирована на гармонизацию полномочий, а не на создание искусственных надстроек, конкурирующих с ФСБ и МВД. Стабильность правового статуса оперативных подразделений ФСИН позволяет им выполнять

[20] Ustawa z dnia 9 maja 2025 r. o zmianie ustawy o Służbie Więziennej oraz niektórych innych ustaw [Электронный ресурс] // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 2025. Poz. 820. URL: https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20250000820 (дата обращения: 21.12.2025).

задачи, не вступая в конфликт юрисдикций, который привел к ликвидации польской IWSW.

Развивая этот тезис, следует указать на вторую фундаментальную ошибку польского законодателя. Речь идет об игнорировании процессуальной составляющей. Описанный нами эксперимент подтвердил, что наделение пенитенциарного ведомства такими специальными полномочиями, как прослушивание, агентурная работа и т.п., без надлежащей подготовки кадров с большой вероятностью приведет к невозможности результативно реализовывать свои функции. В России ситуация сложилась иная. В нашей стране пошли по пути четкого разграничения полномочий. Взаимодействие между субъектами оперативно-разыскной деятельности разных министерств и ведомств регламентирована целой системой совместных нормативных актов.

Нельзя не обратить внимание и на отсутствие в польской правовой доктрине глубокой научной обусловленности рассмотренной законодательной инициативы. Пример ликвидации IWSW продемонстрировал, что игнорирование научного обоснования и рекомендаций может привести к отрицательному результату. В этой связи можно только констатировать, что опыт России, который основывается на научно-экспертном потенциале профильных научно-исследовательских учреждений (в частности НИИ ФСИН России) (Pleshakov & Shkabin, 2025), демонстрирует более стабильный подход. Заключения ученых, специалистов в узких сферах, позволяют минимизировать риски внедрения неэффективных правовых и организационных механизмов.

Заключение

Сравнительный анализ реформ в Польше и России позволяет сделать определенные выводы. Опыт создания и быстрой ликвидации Инспектората внутренней безопасности (IWSW) показал, к каким отрицательным последствиям приводит появление изолированной спецслужбы внутри уголовно-исполнительной системы. Основными выводами нашего исследования можно считать следующее:

1) наделение ведомства мощными инструментами негласного наблюдения и контроля при отсутствии опыта предоставления результатов в следственные органы и суды лишает работу практического смысла. Сотрудники IWSW не имели навыков правильного документирования преступлений, из-за чего собранные ими материалы массово признавались судами недопустимыми доказательствами;

2) попытка полностью закрыться от других правоохранительных органов привела к спорам и путанице. Новая структура начала конкурировать с полицией за показатели и ненамеренно срывала её операции, а покупка несовместимых баз данных создала информационный вакуум;

3) вместо противодействия организованной преступности и системной коррупции, инспекторат стал тратить огромный бюджет на привлечение к ответственности за мелкие нарушения;

4) переход на прямую оплату информации деньгами из секретного фонда привел к тому, что заключенные начали массово выдумывать ложные доносы ради заработка. Это полностью разрушило контроль над реальной обстановкой в колониях.

Польский провал подтверждает правильность и устойчивость российского подхода к организации оперативно-разыскной деятельности. Отечественная система избегает подобных кризисов благодаря конкретным обстоятельствам.

Во-первых, то, что оперативные подразделения органов и учреждений ФСИН России не соперничают с МВД и ФСБ, а работают с ними в едином правовом поле на основе совместных нормативных актов.

Во-вторых, работа с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие, строится на понятных и законных стимулах, что снижает риски оговоров и лжи.

В-третьих, большинство изменений проходят ведомственную научную экспертизу (в частности, НИИ ФСИН России), что защищает систему от непроработанных реформ.

В результате можно констатировать, что безопасность в местах лишения свободы нельзя построить с помощью изолированных «суперслужб». Она должна опираться на интеграцию ведомства в общую правоохранительную систему государства.

References / Список литературы

Agarkov, A.V. (2015) The objectives of investigative operations performed by the operational subunits of Russia's penitentiary system. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. (5-6), 160–164. (In Russian). EDN: VNTPIX.

Агарков А.В. Задачи оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5-6. С. 160–164. EDN: VNTPIX.

Bojanowski, T. (2023) Operational and reconnaissance activities of the Prison Service. [Czynności operacyjno-rozpoznawcze Służby Więziennej]. *Legislative Review [Przegląd Legislacyjny].* (3), 49–56. (In Polish).

Cempura, A. (2011) Operational reconnaissance conducted in detention wards and penal institutions. [Czynności operacyjno-rozpoznawcze prowadzone w aresztach śledczych i zakładach karnych]. *Law and Justice [Prokuratura i Prawo].* (10), 123–133. (In Polish).

Girko, S.I. (2018) Synchronism and adequacy of legal regulation of the criminal procedure and operational search activities of the penal system. *Penal system: law, economics, management.* (2), 4–5. (In Russian). https://doi.org/10.18572/2072-4438-2018-2-4-8 EDN: YQFBCW.

Гирько С.И. Синхронизм и адекватность правовой регламентации уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 2. С. 4–5. https://doi.org/10.18572/2072-4438-2018-2-4-8 EDN: YQFBCW.

Kładoczny, P. & Wolny, M. (2013) *Prison conditions in Poland.* Rome, Antigone Edizioni Publ.

Kotowska, M. & Zając, B. (2023) The issue of corruption in the conditions of detention according to officers of the Penitentiary Administration. [Problematyka korupcji w warunkach penitencjarnych w opinii funkcjonariuszy Służby Więziennej]. *The Prison Systems Review.* (118), 43–70. (In Polish).

Lewandowski, M. (2019) Tasks of the Prison Service for state security – directions of changes [Zadania Służby Więziennej na rzecz bezpieczeństwa państwa – kierunki zmian]. *Defence Knowledge [Wiedza Obronna].* 117–131. (In Polish). https://doi.org/10.34752/vvhk-gh04

Lewandowski, M. & Strzelec, M. (2022) Implementation of the assumptions of dynamic security to the Polish penitentiary system. [Implementacja założeń ochrony dynamicznej do polskiego systemu penitencjarnego]. In: Kuryłowicz, M. & Strzelec, M. (eds.) *Law and Public Order [Prawo i porządek publiczny].* Warszawa, SWWS Publ., pp. 9–32. (In Polish).

Mielnik, D. (2022) Corruption in isolation – legal and preventive aspects. [Korupcja w warunkach izolacyjnych – aspekty prawne i profilaktyczne]. In: Kuryłowicz, M. & Strzelec, M. (eds.) *Law and Public Order [Prawo i porządek publiczny].* Warszawa, SWWS Publ., pp. 139–163. (In Polish).

Nowacki, Z. (2022) The legitimacy of applying preventive measures in penitentiary units. [Zasadność stosowania czynności profilaktycznych w jednostkach penitencjarnych]. In:

Kuryłowicz, M. & Strzelec, M. (eds.) *Law and Public Order [Prawo i porządek publiczny].* Warszawa, SWWS Publ., pp. 75–105. (In Polish).

Pleshakov, A.M. & Shkabin, G.S. (2025) Problems with the execution of legislation in the field of activity of the Federal Penitentiary Service. *State and Law.* (5), 185–189. (In Russian). https://doi.org/10.31857/S1026945225050171 EDN: LQEMFZ.

Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Проблемы с исполнением законодательства в сфере деятельности Федеральной службы исполнения наказаний // Государство и право. 2025. № 5. С. 185–189. https://doi.org/10.31857/S1026945225050171 EDN: LQEMFZ.

Rosiak, M. (2023) Internal Inspectorate of the Prison Service as an expression of the implementation of the postulates of a forensic strategy aimed at effectively combating crime in the prison sector [Inspektorat Wewnętrzny Służby Więziennej jako wyraz realizacji postulatów strategii kryminalistycznej ukierunkowanej na skuteczne zwalczanie przestępczości w sektorze więziennictwa]. In: Kwiatkowska-Wójcikiewicz, V., Krawczyk, R., & Wilk, D. (eds.) *The Beauty of Forensics, Jubilee Book of Professor Józef Wójcikiewicz [Piękno kryminalistyki, Księga Jubileuszowa Profesora Józefa Wójcikiewicza].* Toruń. (In Polish).

Rosiak, M. (2024) Diagnosis of corruption factors in the service environment and at work in the Prison Service [Diagnoza czynników korupcyjnych w środowisku służby i w pracy w Służbie Więziennej]. *Law.Education.Security.* (1). (In Polish).

Rumyantsev, N.V. & Shkabin, G.S. (2025) Scientific discourse in the field of operational-investigative activities: Review of reports of the Interdepartmental scientific-practical conference at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Scientific Crime and Punishment Research Journal.* (2), 63–74. (In Russian). EDN: ASIEAW.

Румянцев Н.В., Шкабин Г.С. Научный дискурс в сфере оперативно-разыскной деятельности: обзор докладов Межведомственной научно-практической конференции в НИИ ФСИН России // Научные исследования преступления и наказания. 2025. № 2. С. 63–74. EDN: ASIEAW.

Sarzała, D.M., Piestrzyński, W. & Piestrzyński, F. (2025) Involvement of Prison Service officers in the organization – selected aspects in the light of empirical research [Zaangażowanie funkcjonariuszy Służby Więziennej w organizację – wybrane aspekty w świetle badań empirycznych]. *Journal of Modern Science [Journal of Modern Science].* 63 (3), 875–900. (In Polish). https://doi.org/10.13166/jms/211647

Schetnev, L.E. (2025) Legal status of operational units of institutions and bodies of the penal system. *Scientific Crime and Punishment Research Journal.* (2), 49–56. (In Russian). EDN: ROZDOD.

Щетнев Л.Е. Правовой статус оперативных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Научные исследования преступления и наказания. 2025. № 2. С. 49–56. EDN: ROZDOD.

Zhandrov, V.Yu. (2025) Historical background of the conflict between the tasks of operational-investigative activities and ensuring the regime of detention in the institutions of the penal system. *Scientific Crime and Punishment Research Journal.* (1), 31–36. (In Russian). EDN: ELOOVM.

Жандров В.Ю. Исторические предпосылки конфликта задач оперативно-разыскной деятельности и обеспечения режима содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Научные исследования преступления и наказания. 2025. № 1. С. 31–36. EDN: ELOOVM.

Сведения об авторах:

Шкабин Геннадий Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, Главный научный сотрудник Центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний; Российская Федерация, 125130, г. Москва ул. Нарвская д.15а, стр. 1; профессор кафедры правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка, институт права и национальной безопасности, Российская академия народного

хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1

ORCID: 0000-0002-1908-668X; SPIN-код: 4402-5316

e-mail: sgsryaz@ya.ru

Чистяков Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; профессор, институт высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Московский институт электронной техники; Российская Федерация, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1

ORCID: 0000-0003-4266-2515; SPIN-код: 7449-1627

e-mail: alex62-60@yandex.ru

Клебанов Лев Романович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-1452-9568; SPIN-код: 8500-6094

e-mail: klebanov-lv@rudn.ru

About the authors:

Gennadiy S. Shkabin – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Chief Researcher, Center for the Study of Security Problems in Penitentiary Institutions, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; 15a Narvskya st., building 1, Moscow, 125130, Russian Federation; Full Professor, Department of Legal Support for National Security, Law and Order, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 82 Vernadsky Ave, building 1, Moscow, 119571, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1908-668X; SPIN-code: 4402-5316

e-mail: sgsryaz@ya.ru

Alexey A. Chistyakov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Forensic Science, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation; Full Professor, Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology; 1 Shokina Pl., Moscow, Zelenograd, 124498, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4266-2515; SPIN-code: 7449-1627

e-mail: alex62-60@yandex.ru

Lev R. Klebanov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Forensic Science, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1452-9568; SPIN-code: 8500-6094

e-mail: klebanov-lv@rudn.ru